

Александр Куприн

Козлиная жизнь

Александр Иванович Куприн
Козлиная жизнь

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172684

Козлиная жизнь

В некотором царстве, в некотором государстве...

Впрочем, нет. Этот рассказ не так начинается.

Не в каком ином, как в нашем царстве, в собственном государстве, давным-давно жили-были дед да баба. И, как водится, не было у них детей. Были только: кошка Машка, собачка Патрашка и говорящий скворец Василий Иванович.

Свыклись они все и жили дружно неподалеку от города. У каждого было свое занятие. Дед дрова колот, двор подметал, ходил пить чай в трактир и кряхтел на лежанке. Старуха сдавала на лето дачу дачникам из города и ругалась с ними от утра до вечера, а зимою вязала чулки и варежки и бранила старика. Патрашка ловил мух, лаял на луну и на свою тень, и был самым отчаянным трусом в деревне; ночью все просился в горницу, портил воздух и во сне тоненько полаивал, – бредил. Кошка Машка думала, что весь дом, и все в нем люди и звери, и все молоко на свете, и все мясо – все для нее одной заведено. Такая была самолюбивая. Оттого она очень обижалась, если, бывало, дед ее стукнет около молочника ложкой по голове или баба оплеснет водой.

Скворец Василий Иванович жил над окном, в открытой клетке, но ходил на полной свободе по всему дому, и все

уважали его за ум и за образование. Очень искусно Василий Иванович истреблял тараканов и весьма похоже передразнивал: как дед ножик точит, как баба цыплят с крыльца сзывает, как Машка мурлычет. Как только дед с бабкой за стол сядут, скворец уже на столе. Бегаёт, вертится, попрошайничает: «Ч-что же это такое, с-скво-руш-шку-то поз-за-были?» А если и это не помогает, он прыг деду на голову да в лысину его – долб! Дед взмахнет рукой, а Василий Иванович уже над окном и верещит оттуда: «Что же такое за штуки? Что же это такое?»

Так-то вот они и жили в великом согласии. Раз зимою легли они спать. А на дворе была вьюга. Вдруг баба повернулась на бок и говорит:

– Дед, а дед, как будто у нас около калитки кто-то кричит... жалобно так...

– А ты спи знай, – отвечает старик. – Я только что второй сон начал видеть. Никто там не кричит. Ветер воет.

Помолчали, помолчали. Опять баба беспокоится.

– Да я же тебе говорю, встань ты, старый трутень. Ясно я слышу, что это ребеночек кричит... Мне ли не знать?

Тут все звери проснулись.

Машка сказала:

– Это не мое дело. Если бы молоко или мышь, тогда так...

А понапрасну я себя беспокоить не согласна.

Вспрыгнула на печку, задрала заднюю ногу кверху, как контрабас, и завела песню.

Патрашка потянулся передними лапами, потом задними и сказал:

– Беф! Что за безобразие, уснуть не дают!.. Беф-беф! Целый день трудишься, покою не знаешь, а тут еще ночью тревожат. Беф!

Покрутился, покрутился вокруг собственного хвоста и лег калачиком.

На дворе что-то опять запищало. Даже и дед услышал.

– А ведь это ты верно, баба. Не то ягненок, не то ребенок. Пойти, что ли, посмотреть?

Спустил ноги с лежанки, всунул их в валенки, снял с гвоздя тулуп, пошел на двор.

Приходит.

– Старуха, зажги-ка огонь. Погляди, кого нам Бог послал. Баба зажигает, а сама торопится!

– Кого? Кого? Мальчика? Девочку?

– Совсем наоборот. Не ребеночек, а козя. Да ты посмотри, какая прехорошенькая.

Вынул из-за пазухи, подает бабе. Та разохалась:

– Ах, ах, ах, что за козя! Что за козюля удивительная. Настоящая ангорская.

А козя вся дрожит: на ножках и на брюшке у нее снег обледенел комьями, хвостиком вертит и прежалостно плачет:

– Б-э-э... Молочка бы мне-э-э!..

Дед своей старухи боялся и знал, что она скуповата. Однако осмелился, прокашлялся:

– Ей бы, старуха, молочка бы? А?

А старуха и рада.

– Верно, верно, старик. Я сейчас.

Налила молочка в блюдце. Но козя была совсем мала и глупа, ничего не понимает, только ногами в блюдечко лезет и все блеет.

Тут старик догадался.

– Подожди-ка, я ей соску сооружу.

Налил молока в аптекарский пузырек, обвязал сверху тряпку, колпачком, и сунул козе в рот... Уж так-то она принялась сосать, что просто ужас. Аж вся трясется и копытцем по полу стучит.

Кошка Машка говорит:

– Здравствуйте! Мое молоко и вдруг каким-то бродягам.

А Патрашка сказал:

– Совсем с ума спятили наши дед и баба.

И полез под кровать.

Василий Иванович проснулся, когда зажгли свечку, и закрипел что-то спросонья. Но увидел, что рядом на стене ползет таракан. Тюк! – и нет таракана.

А козя выдудила пузырек, еще требует. Дали ей другой, и третий, и четвертый. А сами на нее не налюбуются. Но потом дед пощупал у нее животик и говорит:

– Точно турецкий барабан. Будя. Облопаешься. Идем-ка лучше спать.

Залез на печку и взял козю к себе под армяк.

Очень скоро козя в доме освоилась. Научилась скакать с пола на лавку, с лавки на лежанку, с лежанки на печку. И такая утешная стала, ласковая, что просто одна прелесть. Не только из рук ест, но даже по карманам шнырит. И все бегаёт, суется, хвостом трясёт, орешки рассыпает.

Баба в ней просто души не чает:

– Послал нам Бог сокровище за сиротство за наше. Вот подрастет немножко козлетоночка наша и будет молока давать, каждый день по две бутылки. А мы его будем дачникам продавать. Молоко козьё драгоценное, потому что очень целебное, – по полтиннику бутылка. А там острижем ее, и буду я зимою вязать чулки и перчатки из козьего ангорского пуха на продажу. И тебе, старик, свяжу к твоему дню ангела напузники на руки.

А козинька между тем растет не по дням, а по часам, умнеет просто по минутам. Такая, наконец, премудрая козища стала, что даже уж невтерпеж. Сначала, что она выдумала? Дедов табак жевать. Свертит он, бывало, себе крученку, заслюнит и положит на краешек стола. А коза тут как тут. Хап, и давай сигарку зубами во рту перетирать и проглотит. Один раз ухитрилась: дед забыл ящик задвинуть, так она целый кисет с табаком вытащила, изжевала и съела.

Но это еще было полбеда. Пришло лето, и козинька показала все свои способности. Что ни день, то на нее жалоба. Там капустную рассаду потоптала, там грядку левкоев слопала, там молодые яблоньки обглодала...

– Вы бы хоть привязали ваше убоище! – говорят старикам соседи.

– Привяжешь ее, как же! Пробовали мы ее привязывать, так она все веревки перегрызет.

– Ну, а все-таки поглядывайте, не удобно так-то...

И, кроме того, изучила она одну преподлую манеру – стала бодаться. Идет по двору человек и без всякого внимания. А она потихоньку зайдет сзади, да как разбежится, да как саданет лбом под коленки, тот мигом на задущку и сядет. Многие очень обижались.

И чем дальше пошло – тем пуще. Чем больше козлища растет, тем больше наглости набирается. Через улицу в огороде весь молодой картофель повытаскала, у батюшки всю клубнику викторию начисто уничтожила, у волостного пи-саря сахарный горох истребила. Каждый день – новое бедствие.

Не вытерпели наконец мужики, собрались вместе и пошли к деду-бабе.

– Как себе хотите, дед-баба, а больше нашего терпения нет. Житья нам не стало от вашего чудовища беспощадного. Вы его или продайте, или на мясо зарежьте. А мы больше не согласны.

Пробовала было баба заступиться:

– Что уж вы так строго? Чай, не разорила вас моя бедная ангорская козочка.

Мужики как грохнут от смеха, как закачаются!

– Да что ты, матушка! Разуй глаза-то. Разве же это ангорская коза? Настоящий, что ни на есть, деревенский козел, и борода у него, как у председателя.

– Да неужели же? Батюшки, стыд-то какой. Пропали мои ангорские варежки! Ах, пропало мое козье молочко.

И в ту же ночь пристала к старику без короткого. Пилила его, пилила...

– Осрамил ты меня на всю округу. Куда мне теперь глаза девать? Засмеют, задразнят меня, станут козлиной бабушкой звать. А все через тебя, окаянный старик. Нет, как хочешь, а чтобы этой страшной твари в моем доме не было. Завтра же веди ее на базар продавать. Иначе житья тебе от меня не будет.

Делать нечего. Покорился дед. Встал утром пораньше, обмотал рога козлу веревкой и повел за конец. А козел и тут отличается. То упрется копытами в землю, головой мотает, – с места его не стронешь. То как подерет вперед, старик за ним еле поспекает, рысью бежит. Парни идут навстречу, заливаются:

– Дедушка, а дедушка, кто кого на базар продавать тащит: ты козла аль козел тебя?

Однако кое-как дошли они до базара, верст за двенадцать от своей деревни. Удалось деду продать козла очень скоро и выгодно. Расставаясь с козлом, чуть не плакал дед. Говорил новому владельцу:

– Уж ты, милый человек, побереги козелка-то. Он не про-

стой, а ангорский. Умен до чего: только не говорит!..

Вернулся домой. Отобрала у него баба деньги. Легли спать.

А на утро... батюшки! Что за крик такой страшный на улице? Дед и баба к окну. А на них снаружи прямо так и пялится противная козлиная морда – ровно сам нечистый. Стал на дыбки, передними ногами в стену стучит, ушами хлопает, бородищей трясет, носом дергает и орет во все горло:

– Бэ-е-е-е... Поесть бы мне-э-э-э!..

А на шее у него мотузок веревки болтается. Отгрыз-таки, подлец!

Да это еще что! Глотнувши свободного-то воздуха, стал козел так по всей деревне озоровать, точно новый Емельян Пугачев объявился, которого дьякон в неделю православия с амвона проклиняет. Раз пять его старик водил на продажу. Один раз в телеге увез за тридцать верст, голову ему в мешок завязавши. Вернулся ведь! Через два дня вернулся. Весь в репье, в ссадинах, хромой, грязный, вовсе неприличный – и дерет горло на всю деревню:

– Рады ли вы мне-э-э-э-э?..

Дошло наконец до того, что опять пришли мужики к деду, на этот раз уже всей деревней от мала до велика. И сказали:

– Ну, дед, давай решать по душе. Либо ты один живи в деревне со своим козлом, а мы отсюда уйдем куда глаза глядят, либо уж, так и быть, мы останемся, а ты уходи от нас со своим извергом.

Тут бабу взорвало, точно бочку с порохом. Как напустится она на старика:

– И пошел ты вон из моего дома, и чтобы я тебя больше не видела, и на порог тебя больше не пущу, пока ты своего товарища не зарежешь. На вот, бери ножик и веди козла в лес. И больше я знать ничего не хочу.

Что оставалось делать старику?

Проснулся утром до зари, опять обвязал козлу рога и потянул за собой. А козел, как нарочно, вдруг добрый-предобрый сделался, ласковый-преласковый: точно его подменили. То мордой о дедово колено потрется, то в глаза ему заглянет, то за рукав его теребит...

Пришел дед в лес, сел у дорожки на пенек и заплакал:

– Ну, как я своего козлика доморослого зарежу? Лучше бы уж мне на самого себя руки наложить! Никак я не могу этого сделать.

Только вдруг слышит песню. Из-за еланьки выезжают на дорогу справа по шести всадники-драгуны. Лошади под ними как на подбор, все рыжие, идут охотно, весело, фыркают на росу, поигрывают. Солнышко тут взошло, шерсть на них золотом отливает, блестит на оружии. Одна красота, а кругом все зелено.

Высоким тенором, задрав горло, заливается запевала:

Ротмистр скомандовал, дернул усами:

– Ребята, смотреть веселей.

А хор как хватит:

Справа по шести, сидеть молодцами,

Не огорчать лошадей.

Так по всему лесу гул и пошел. Все звери и птицы шарахнулись.

Вахмистр попридержал коня, подъехал к деду:

– Ты чего тут, старик, делаешь? О чем плачешь? Что у тебя за козел такой страховидный?

– Ах, батюшка-начальник, вот со мной какое горе... Так-то и так-то, – и рассказал дед свою беду.

– Ну, дедушка, это ты на старости лет глупости задумал. Подожди-ка, я тебя сейчас выручу. Стой, рравняйся!.. Ребята, желаете козла принять в эскадрон?

Солдаты обрадовались:

– Сделайте милость, Никандра Евстигнеевич. Наши кони давно по козлу скучают. Первое дело мухи его вони не терпят, а главное, домовой его боится. Самое разлюбозное дело выйдет, если возьмете. Первый козел будет по всей дивизии.

– Ладно. Сколько, старик, хочешь за козла вместе с веревкой?

– Да что вы, служивые! Буду я с вас деньги брать? Вам в походе каждая копеечка нужна: и на шило, и на мыло, и попить чтобы было. Берите так.

– Утешный старикан. Ну, спасибо тебе.

– А вы далеко ли, воины, путь держите?

– Мы-то? А вот едем немцев бить.

– Ах вы, мои милые. Ну, дай вам Бог в сохранности вер-

нуться.

– И ты живи, дедушка, поскрипывай. Эй, Петров, заводи.

Бесятся кони, брещат мундштуками,

Пеняются, рвутся, храпя-я-т.

Ударили в тарелки, засвистали соловьем, залился подгосок, заходил, заплясал бунчук...

Барыни, барышни, взором отчаянным

Вслед уходящим глядят.

Пришел дед домой туча тучей. Со старухой и говорить не хочет. Это он нарочно так притворился, что будто бы ему козла зарезанного жалко. Старуха поверила и ничего не спрашивает.

Но, как прошло недели с две, а козел все не возвращается, тут уж дед признался во всем откровенно. Ужасно баба обрадовалась:

– Спасибо, голубчик. Снял ты с моей души камень.

А козел, как поступил на военную службу, так как будто в ней и родился. Нашел наконец свое настоящее место. И сразу стал страх какой отчаянный! Бывало, идут драгуны перед обедом к водке, а уж кто-нибудь непременно вспомнит:

– Надо бы было и козлу поднести. Вася, Вася!.. Василь Васильч!

А он уже тут как тут. Вихрем примчался. Бородой трясет.

– Водки мне-э-э-э!

И хлеб с солью ему полагался. И табачку давали пожевать. А за сахаром он сам по солдатским карманам лазил.

Но зато, как только полк выходит на ученье или на смотр, он уж непременно при первом эскадроне в первом взводе, в первом ряду, рядом с правофланговой лошастью. Отогнать его было никак невозможно. Даже генералы махнули на него рукой. Безобразно, конечно, когда козел своим диким галопом скачет рядом с конями, но ничего, мирились, знали, что козел – полковой любимец.

Потом козлу пришлось и на настоящую войну попасть. Долго он туда ехал: сначала по железной дороге, потом шел пешком, опять с лошадьми в вагоне, через речки на паромах переправлялся и вброд. Зашел совсем в неведомые страны. И тут о нем нам уже мало известно. Говорят, что ходил три раза в атаку на артиллерию. Был ранен, но легко, солдаты его своими средствами вылечили. Говорят тоже, что за его бесстрашие повязали ему солдаты на шею сине-бело-красную ленту. Вспоминал ли о деде-бабе? Должно быть, вспоминал. Но дело воинское тяжелое, некогда не только письмо написать, а и поесть некогда...

Дед-баба до сих пор поскрипывают, но уж очень старенькие стали, вовсе дряхлые. Кошка Машка оглохла. Патрашка совсем поглупел, разленился и стал у него прескверный характер. Один скворец держится молодцом. Бывало, утром вдруг заорет:

– Бэ-э-э! Молочка бы мне-эээ!...

Баба так к окну и метнется, а потом на скворца полотенцем замахнет.

– Кшш ты, окаянный! До чего напугал. Я и вправду подумала, что это наша милая козенька просится...